

ДОН НИГРО

БЕЗУМНАЯ

ЛЮЧИЯ

Дон Нигро
Безумная Лючия

«Автор»

1993

Нигро Д.

Безумная Лючия / Д. Нигро — «Автор», 1993

Дон Нигро «Безумная Лючия». Шесть актеров (2 женские и 4 мужские роли). Трагическая история дочери Джеймса Джойса Лючии, которая большую часть жизни провела в сумасшедшем доме. Толчком к обострению заболевания послужила и безответная любовь Лючии к Сэмюэлю Беккету. Но на главную причину указал Карл Юнг: «Вы не желаете признать ее психически больной, потому что любите ее, но речь не об этом. Вы берете свое безумие, превращаете его в искусство и этим более-менее сохраняете здравомыслие или то, что сходит за здравомыслие в приличном обществе. Но ваша дочь не может этого сделать, она унаследовала от вас ум и безжалостное чувство юмора, но не творческую энергию. Короче, она безумна».

© Нигро Д., 1993

© Автор, 1993

Содержание

Действующие лица	5
Декорация	6
Действие первое	7
Картина 1	7
Картина 2	9
Картина 3	10
Картина 4	12
Картина 5	15
Картина 6	17
Картина 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дон Нигро

Безумная Лючия

Действующие лица

ЛЮЧИЯ ДЖОЙС
СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ
ДЖЕЙМС ДЖОЙС
НОРА ДЖОЙС
МАКГРИВИ/ЮНГ
СУТЕНЕР/НАПОЛЕОН

Декорация

Различные места во Франции и Швейцарии с конца 1920 гг. до 1980 гг., хотя по большей части действие пьесы разворачивается в 1930 гг. Все места представлены единой декорацией. У авансцены справа деревянная скамья, которая будет коридором у зала суда, а также частью сумасшедшего дома, и использоваться по необходимости. Правее центра – оконная рама, возле которой старое больничное кресло-каталка. Это палата ЛЮЧИИ в сумасшедшем доме, а также больничная палата БЕККЕТА. По центру диван в парижской квартире Джойсов. В глубине сцены левее центра – кабинет Джойса, со столом, стулом и дополнительным стулом. Он также послужит и кабинетом ЮНГА. Слева стол и деревянные стулья: кафе в Париже и других местах. Слева у авансцены – деревянный стул в комнате БЕККЕТА, когда он уже старик. Персонажи легко перемещаются из одного места в другое, места эти слиты в единое целое. Выход на кухню Джойсов между диваном и окном сумасшедшего дома, вход в квартиру Джойсов может располагаться слева между кафе и зоной дивана, но движение плавное, актеры могут входить в квартиру Джойсов, где угодно или при необходимости уходить со сцены, где удобнее. Эти места сливаются в памяти ЛЮЧИИ, как и в памяти БЕККЕТА, и пьеса – поток воспоминаний обоих в местах, где бывали оба. Деревянные стулья в кафе могут становиться деревянными стульями в квартире Джойсов, если возникает такая необходимость, а также оказываться в сумасшедшем доме. Никаких изменений декораций, никаких затемнений, никаких пауз между картинами. Каждая картина перетекает в следующую. Ни один актер не выходит из образа или убегает в темноту, чтобы оказаться в нужном месте в следующей картине. Каждое движение вплетается в неразрывную ткань воспоминаний и является частью постановки.

Действие первое

Картина 1

(ЛЮЧИЯ поет к темноте. Зажигается свет, падает на БЕККЕТА, уже старика, сидящего на деревянном стуле, и на ЛЮЧИЮ, которая в кресле-каталке сидит у окна в сумасшедшем доме. Весь спектакль ЛЮЧИЯ выглядит молодой и очаровательной, хотя мы увидим ее в разные периоды времени, начиная с 1928 г., и после Второй мировой войны, когда ей под сорок. БЕККЕТ на год старше ЛЮЧИИ, но для нас он – старик, как в начале пьесы. Она всегда остается молодой, он всегда выглядит старше своего возраста, потому что мы имеем дело, по большей части, с воспоминаниями ЛЮЧИИ и БЕККЕТА касательно друг дружки).

ЛЮЧИЯ (поет сама себе в сумасшедшем доме):

Выйди в сад поскорее, Мод!
Уже ночь – летучая мышь –
Улетела в свой черный грот;
Поздно спать; неужели ты спишь?
В одиночестве я стою на ветру,
С розой той, что тебе подарю.

И сказал я розе: «Промчался бал
В вихре танцев, красок, огней.
Лорд, и как бы ты ни мечтал
Никогда ей не быть твоей.
Навсегда, – я розе пообещал, –
Она будет моей, лишь моей!»

БЕККЕТ. Что? Голоса? Чьи? Угрызения совести?

ЛЮЧИЯ. Безумие, как воспоминания или искусство, сродни путешествиям во времени. Это великая красота «Работы в работе». Я – что театр, только более прекрасна. Во мне сосуществуют все времена и места. Иногда я вижу его так отчетливо, что болят глаза. Я вижу его старым, сидящим на деревянном стуле, с истертым томиком Данте в руках, что-то бормочущим себе под нос, обо мне, всегда обо мне.

БЕККЕТ. Я превращаюсь в Крэппа.

ЛЮЧИЯ. Когда он старый, седой и сонный, я прихожу к нему призраком, хотя время от времени задаюсь вопросом, а кто из нас приходит к кому? Я – его галлюцинация или он – моя. Одно я знаю наверняка: не может он перестать думать обо мне, ни на секунду.

БЕККЕТ. У меня анальная киста, но прежде чем эти врачи-людоеды доберутся до нее своими грубыми когтями, она взорвется, как вулкан Кракатау. Тот еще будет взрыв, день, который никогда не забудут, ирландское счастье.

ЛЮЧИЯ. Я жалею его, он так сильно страдает, думая обо мне, вспоминая, как все могло быть.

БЕККЕТ. Увидев осла, я всегда думаю о матери. Она держала ослов, любила запрягать их в повозку и гонять взад-вперед по дороге, охаживая хлыстом. Соседи старались не попадаться ей на пути. Величайшая трагедия ее жизни случилась в тот день, когда самый любимый осел переел турнепса и взорвался, совсем как моя анальная киста.

ЛЮЧИЯ. Есть некая святость в том, что вспоминаешь. Посетить в воспоминаниях какое-то место, все равно, что найти другое свое «я», иллюзорное переоткрытие утерянного, возвращение не совсем забытого, сопоставление нынешнего сознания с тем странным, каким оно было в прошлом. Ощущение это сравнимо с не дающим покоя мистическим религиозным откровением или каким-то иным проявлением сверхъестественного, скажем, внезапным появлением призрака, или полнейшей уверенностью, что сатана стоит за твоим креслом, а Бог сейчас в амбаре для кукурузы.

БЕККЕТ. И потом, всегда есть проблема отхождения газов.

ЛЮЧИЯ. Не знаю, всегда ли я верила в Бога, хотя чувствую, что близка с ним, потому что у нас есть общее – безумие.

ДЖОЙС (*входит в свою квартиру в Париже, в шляпе и с тростью, поет*):

Выйди в сад поскорее, Мод!
Уже ночь – летучая мышь –
Улетела в свой черный грот;

БЕККЕТ. Теперь я пускаю голубков с громкостью туманного горна.

ДЖОЙС (*идет в кабинет, снимает шляпу, ставит трость, продолжает петь*):

Поздно спать; неужели ты спишь?
В одиночестве я стою на ветру,
С розой той, что тебе подарю.

(*Садится за стол, начинает работать*).

ЛЮЧИЯ. После того, как Бог запер меня в глубинах ада, я утешаю себя тем, как каждая мысль моего любимого до скончания веков будет обо мне, и только обо мне.

БЕККЕТ. Потом возвращается запор. Там большая преграда, размером с баклажан, улегшийся поперек моей толстой кишки. Сообщите прессе. Вызовите морпехов. Радости старости.

ЛЮЧИЯ. Он будет так жалеть, что не любил меня, когда еще было время.

БЕККЕТ. С вершины холма мы видели горящий Дублин. Отец смеялся, я – нет. Костры друидов, жертва обнаженной девушки. Ничто не вызывает большего ужаса, чем вставшая в полный рост абсолютная необходимость.

ЛЮЧИЯ. Отчаяние никому не нужно.

БЕККЕТ. Работай, если должен, но никогда не обсуждай, не объясняй, не извиняйся, все это бессмысленно. Меня научил этому Вильям О'Шекспир из графства Корк. Пойманный здесь, как в ловушке, с потрепанным томиком Данте (уголки страниц загнуты – эта книга, как и я, в собственном кругу ада), наблюдающий крикет по телевизору, и чего только нет на моей совести, включая дочь Дедала, которая не может найти выход из лабиринта.

ЛЮЧИЯ. Он еще будет горевать обо мне, будет так горевать! Его плач и стенания разнесутся по всем континентам, и он скажет себе, в отведенном ему персональном месте с аду, он выкрикнет...

Картина 2

(Без всякого разрыва – следует реплика ДЖОЙСА, который в своей квартире в Париже).

ДЖОЙС. Боже милостивый, что я наделал?!

ЛЮЧИЯ *(мгновенно становясь юной)*. Что случилось, папа?

ДЖОЙС. Я только что совершил невероятно глупую ошибку.

НОРА *(выходя из кухни в гостиную, складывая только что выглаженную простыню)*.

Конечно же, это не так.

ДЖОЙС. Да, невероятно, но факт. Я сказал Тому Макгриви, что этим вечером он может привести к нам на обед одного молодого ирландца. Зовут его Сэмюэль Бакет. Да, думаю, Бакет.

НОРА. Что изменит один дополнительный рот, когда мы все голодаем? Я долю в суп воды.

ДЖОЙС. Но с ним за столом нас станет тринадцать. Не должно сидеть за столом тринадцать человек!

НОРА. Как ты сама видишь, Лючия, твой отец, наш великий гений, не так и отличается от глупой прачки. Нельзя быть суеверным, Джим, ты это знаешь. Это к беде.

ДЖОЙС. Смейся, сколько хочешь, раз есть на то твое желание, но если за столом нас будет тринадцать, этот человек навлечет на нас жуткую беду.

НОРА. Беда для нас не внове.

ДЖОЙС. Это будет не просто беда. Катастрофа!

НОРА. Это уже перебор. Еще один нищий ирландец за столом никак не может что-то изменить к худшему, потому что дальше просто некуда. Разве что крыша упадет и раздавит двух-трех гостей. Для них это будет катастрофа, но для остальных – удача, потому что выжившим достанется больше супа. Если, конечно, можно назвать мой суп удачей.

ДЖОЙС. Что-то нужно делать. Мы должны позвонить Хемингуэю и попросить не приходить.

ЛЮЧИЯ. А я так люблю мистера Хемингуэя. Он научил Эзру Паунда боксировать. Мне всегда хотелось это сделать.

НОРА. Научиться боксировать?

ЛЮЧИЯ. Нет врезать Эзру Паунду в нос.

ДЖОЙС. Я думал, тебе нравится Эзра.

ЛЮЧИЯ. Мне нравится милый Эзра, который флиртует со мной стихами итальянских поэтов и кормит всех бродячих котов, но когда он корчит из себя ни пойми кого и начинает рассуждать о политике, кто-то должен каждые несколько минут бить его по голове. Мистер Бакет писатель, как ты, папа, или болтун, как мистер Макгриви?

(МАКГРИВИ приводит БЕККЕТА в квартиру Джойсов, тогда как хозяева продолжают разговор).

НОРА. Он – ирландец, а это означает, что нам нужно больше спиртного. Иногда, Лючия, мне хочется, чтобы твой отец был менее знаменитым и более успешным.

ДЖОЙС. Я не столь знаменит, как об этом говорят, Нора.

НОРА. Как бы то ни было, больше хлеба от этого на столе не становится.

ДЖОЙС. Не хлебом единым сыт человек.

НОРА. Это да, иногда нам достается этот чертов суп.

ЛЮЧИЯ. Я надеюсь, мистер Бакет симпатичнее мистера Макгриви.

ДЖОЙС. Я надеюсь, он говорит меньше, чем Макгриви.

НОРА. Все говорят меньше, чем Макгриви.

(БЕККЕТ и МАКГРИВИ к этому моменту расположились в гостиной, так что следующая картина начинается сразу же, как и предыдущая).

Картина 3

(БЕККЕТ, молодой, сидит на одном стуле, смотрит на руки, ДЖОЙС на другом, положив ногу на ногу, весь в своих мыслях, МАКГРИВИ на диване, говорит).

МАКГРИВИ. Я бросаю один взгляд на этого молодого человека, и говорю себе, да, говорю себе: «Томми, вот еще одна, да, еще одна родственная душа великого Джеймса Джойса, и познакомить их – мой первейший долг, ибо я знаю, придет день, когда знакомство это послужит вящей славе Ирландии». Вот я и взял на себя обязанность, как случается со мной время от времени, проследить за тем, чтобы вы двое встретились. И укрепить тем самым свою позицию столярного клея в истории ирландской литературы. Сэм – протестант, но из тех, кто люди достойные. В конце концов, протестанты тоже умеют писать. Например, Йейтс. Уверен, смогу привести и другой пример. Шоу. Нет, не Шоу, забудьте. Большую часть дня Сэм спит, взахлеб читает на нескольких языках, живых и мертвых, тяга к самоубийству у него умеренная, так что мы просто должны следить, чтобы ему всегда находилось занятие. Еще он в крикет играет. И только что приехал из Дублина.

(МАКГРИВИ, выдохшись, замолкает. При упоминании Дублина Джойс поднимает голову).

ДЖОЙС. Из Дублина.

БЕККЕТ. Да.

(Пауза).

ЛЮЧИЯ. Так вы только что из Дублина, мистер Беккет?

БЕККЕТ. Да.

ЛЮЧИЯ. Папа обожает последние сплетни из Дублина. Обычно они тут же попадают в текст, который он пишет. В этом прелесть «Работы в работе». Сгодится все, как в ирландское рагу. Не будем ждать. Не тяни, папа, спроси мистера Беккета о Дублине.

(Пауза).

ДЖОЙС. Как вы находите Дублин, мистер Беккет?

БЕККЕТ. Приезжаю в Лондон и поворачиваю налево.

(Пауза).

ДЖОЙС. Ох...

(Пауза).

ЛЮЧИЯ. Я думаю, папа о другом. Как вам Дублин, мистер Беккет?

БЕККЕТ. По большей чести, такой же, как и всегда. И пахнет также.

(Пауза).

МАКГРИВИ. Что ж, прошу меня извинить. Почтение гению засвидетельствовал. А теперь намерен налить себе большой-пребольшой стакан. *(Встает и уходит на кухню).*

НОРА. Пойдем на кухню, Лючия. Поможешь мне с как его там.

Лючия. С чем?

НОРА. С супом.

ЛЮЧИЯ. Мы уже поели, мама. Что ты от меня хочешь? Чтобы я извинилась перед остатками?

НОРА. Помоги мне помыть грязную посуду.

ЛЮЧИЯ. Грязная посуда помыта.

НОРА. Предоставь отцу возможность пообщаться наедине с мистером Беккетом, дорогая. Я знаю, ему не терпится узнать, какой нынче Дублин.

ЛЮЧИЯ. Дублин, по большей части, такой же, как и всегда. Мистер Беккет только что весьма красноречиво высказался об этом.

НОРА. Пойдем, не оставляй меня на кухне одну с Томом Макгриви. Своей бесконечной трепотней он вгонит меня в кому.

ЛЮЧИЯ. Хорошо. Я вернусь, мистер Беккет. Не уходите.

(НОРА буквально утаскивает ЛЮЧИЮ на кухню., шепотом что-то ей выговаривая.

ДЖОЙС и БЕККЕТ сидят).

ДЖОЙС. Свифт.

БЕККЕТ. Да.

ДЖОЙС. Свифт был протестантом.

БЕККЕТ. Да.

ДЖОЙС. И великим писателем.

БЕККЕТ. Да. Еще у него была очень большая голова.

ДЖОЙС. Да.

БЕККЕТ. Не в том смысле, что он считал себя умнее других. Я про фактический размер головы.

ДЖОЙС. Да.

БЕККЕТ. Но, возможно, чуточка высокомерия присутствовало.

ДЖОЙС. Отчасти это диктовалось необходимостью. Вопрос выживания.

БЕККЕТ. Да.

ДЖОЙС. Он не был и безумным. Свифт.

БЕККЕТ. Не был, только чертовски злым.

ДЖОЙС. Имел право. Неукротимый гнев.

БЕККЕТ. Да, *(Пауза)*. Я уверен – вы величайший из ныне живущих писателей, а «Улисс» – величайшая книга со времен Данте.

(Пауза).

ДЖОЙС. Думаете, лучше Йейтса?

БЕККЕТ. Господи, да.

(Пауза).

ДЖОЙС. Данте очень хорош.

БЕККЕТ. Да.

ДЖОЙС. Есть несколько людей, которых я с удовольствием самолично отправил бы в ад.

БЕККЕТ. Данте был счастливым человеком.

ДЖОЙС. Да. Изгнанник. Как мы.

БЕККЕТ. Да.

ДЖОЙС. Искусный.

БЕККЕТ. Искусный.

ДЖОЙС. И молчаливый.

(Какое-то время они сидят молча. БЕККЕТ кладет ногу на ногу, в точности, как ДЖОЙС).

Картина 4

ЛЮЧИЯ (*стирая пыль со своего кресла в сумасшедшем доме*). Что-то в мистере Беккете, какая-то пустота в его душе, тянуло меня к нему. Казалось знакомым, так бывает, когда заходишь в комнату, видишь человека, знаешь, что встреча случайная, но с абсолютной уверенностью понимаешь, что останется он с тобой до конца твоей жизни.

(*Пока она говорит, ДЖОЙС и БЕККЕТ уходят вместе в кабинет ДЖОЙСА, о чем-то беседуя, иногда энергично жестикулируя, а НОРА перемещается к дивану, вытирает пыль. ЛЮЧИЯ присоединяется к ней*).

НОРА. Что ж, такое впечатление, что они нашли друг друга, так?

ЛЮЧИЯ. Никогда не видела так проникался к кому-либо, как он проникся к мистру Беккету. Большую часть часа они сидят молча, потом один что-то коротко говорит, а пятнадцать минут спустя другой ему также коротко отвечает.

НОРА. Если ты спросишь меня, так от этого мурашки бегут по коже.

ЛЮЧИЯ. Я рада, что папе так нравится мистер Беккет, потому что я приняла решение: именно он станет моим мужем.

НОРА. Давай без глупостей.

ЛЮЧИЯ. Никаких глупостей. Подожди, и все увидишь сама. Сэмюэль Беккет – единственный в мире мужчина, который существует для меня.

НОРА. Мистер Беккет знает, что он удостоен такой чести?

ЛЮЧИЯ. Еще нет, но скоро узнает.

НОРА. Лючия, тебе не раз советовали не ставить телегу впереди лошади.

ЛЮЧИЯ. Не волнуйся, мама. Папины уроки не пропали даром. Молчание, ссылка и изобретательность. Мы в ссылке, мистер Беккет молчалив, а я буду изобретательна.

НОРА. Не останавливай свой выбор на писателе, милая.

ЛЮЧИЯ. Почему нет? Ты остановила.

НОРА. Я все сказала.

(*ДЖОЙС исчезает в глубине сцены, БЕККЕТ возвращается в гостиную*).

ЛЮЧИЯ. А вот и вы, мистер Беккет.

БЕККЕТ. Я, похоже, потерял вашего отца.

НОРА. Да, точно, ускользать он умеет, как никто, это я вам ответственно заявляю.

ЛЮЧИЯ. И это дает мне возможность развлекать вас, мистер Беккет, пока папа не объявится вновь.

НОРА. А объявиться он может через много-много дней.

ЛЮЧИЯ. Ты иди, мама, и позволь мне поболтать с мистером Беккетом.

НОРА. Да, да, уйду, в конце концов, я здесь всего лишь служанка. Меня прогоняют, как пуделя. И это обычное дело. (*Уходит на кухню*).

ЛЮЧИЯ. Присядьте ко мне на диван, мистер Беккет.

БЕККЕТ. Хорошо. (*Садится как можно дальше от нее, на самый край*).

ЛЮЧИЯ. Только не на край, вы упадете и ударитесь. Сдвиньтесь ближе к середине. Это же не фильм Бастера Китона, мистер Беккет. (*БЕККЕТ придвигается к ней*). Вы выглядите таким грустным, мистер Беккет. Скучаете по Ирландии?

БЕККЕТ. По Ирландии я скучаю, только находясь там.

ЛЮЧИЯ. Я скучаю по ней ужасно, хотя прожила там совсем ничего. Может, в этом все дело. Я всю жизнь изгнанница. Мы жили в Триесте, Цюрихе, Париже. У меня практически нет друзей. Стоит мне выучить один язык, как мы переезжаем, и мне приходится учить другой, поэтому я всегда говорю, как иностранка. Для мозга это, скорее всего, хорошо, но не для души. Через какое-то время изоляция начинает удушить ее, высасывает из тебя всю энергию, и ощу-

щается все более полный разрыв с реальностью. Иногда я чувствую, как тону в океане одиночества. Я всячески пыталась отвлечься от этих мыслей. Я немного пою, достаточно хорошо танцую, рисую еще лучше, думала о том, чтобы стать актрисой. Смена обличья мне близка, возможно, есть во мне что-то от Протея, но все это кажется таким преходящим и бессмысленным. Я думаю, что в итоге, по большому счету, нет ничего, кроме любви, а любовь – всегда другая страна. Вы с этим согласны, мистер Беккет?

БЕККЕТ. По части любви я не силен.

ЛЮЧИЯ. Да, и я тоже, пока. Я надеюсь, Сэм, мы сможем стать хорошими друзьями, вы и я, действительно хорошими друзьями. Я отчаянно нуждаюсь в друге. Поэтому зачастую несу чушь, находясь рядом с вами. Вы никогда ничего не говорите, меня это нервирует, вот все эти слова и вырываются потоком из моего рта. Поначалу даже кажется, что речь моя бессвязная, но потом выясняется, что какой-то смысл в сказанном мною все-таки есть. Я – телесное воплощение папиной «Работы в работе». Цели разбрасываться у меня нет, но нет и ничего такого, что получалось бы хорошо, а это раздражает все сильнее.

БЕККЕТ. Вы хорошо танцуете.

ЛЮЧИЯ. Вы не видели, как я танцую.

БЕККЕТ. Видел. Приходил на ваш концерт. Вы были вся в серебре. Я подумал, что вы – какая-то рыбка.

ЛЮЧИЯ. Вы видели меня танцующей рыбой?

БЕККЕТ. Да. Именно так.

ЛЮЧИЯ. Я вас не заметила.

БЕККЕТ. Потому что были заняты: метали икру.

ЛЮЧИЯ. Почему потом вы не зашли за кулисы?

БЕККЕТ. Дорогу перегораживал танцующий осьминог.

ЛЮЧИЯ. Я вам действительно понравилась?

БЕККЕТ. Вы были очаровательной.

ЛЮЧИЯ. Да. Очаровательной. Боюсь, то был мой финальный триумф в танцах. К сожалению, очаровательность – для меня не главная цель. Дети очаровательны, маленькие зверушки очаровательны. Я взрослое человеческое существо, и очарования недостаточно.

БЕККЕТ. Я знаю, что некоторые отдали бы все за толику вашего очарования.

ЛЮЧИЯ. А вам бы понравилось, мистер Беккет, если бы при упоминании вашего имени, люди тут же говорили бы: «Ах, да, Сэмюэль Беккет, какой очаровательный»? Вам бы это понравилось, мистер Беккет?

БЕККЕТ. Нет. Я понимаю, о чем вы.

ЛЮЧИЯ. Самое странное, я верю, что вы действительно понимаете, о чем я, вы очень часто понимаете, о чем я, гораздо чаще, чем кто-либо другой, и по этой причине я чувствую, что мы очень близки. Вас это тревожит, мистер Беккет?

БЕККЕТ. Да.

ЛЮЧИЯ. Почему вас это тревожит?

БЕККЕТ. Я не знаю.

ЛЮЧИЯ. Может, вам следует тревожиться. Может, вам следует проявлять со мной предельную осторожность. Человек, отчаянно жаждущий любви, опаснее кого бы то ни было. Никому не нужно отчаяние, правда?

(БЕККЕТ смотрит на нее. Появляется ДЖОЙС).

ДЖОЙС. Ах, вот вы где, мистер Беккет. Послушайте, меня посетило вдохновение, но со зрением сегодня как-то не очень, все расплывается больше обычного. Вы не сочтете за труд записать кое-какие мои мысли, прежде чем они ускользнут в великое море забвения?

БЕККЕТ. Я с удовольствием. Прошу меня извинить.

(Встает и следует за ДЖОЙСОМ в его кабинет. ЛЮЧИЯ одна остается на диване, проигнорированная обоими мужчинами).

ЛЮЧИЯ. Да. Конечно, я тебя извиняю. В конце концов, я всего лишь очаровательная рыба, так? И какой у меня выбор? Какие противоречивые чувства переполняют очаровательную, но брошенную дочь великого гения? Ревность, негодование, раздражение, безответную любовь, страсть, в той же степени безответная...

НОРА *(выходит из кухни)*. Лючия, ты опять говоришь сама с собой?

ЛЮЧИЯ. Похоже, что так. Да.

НОРА. Пожалуйста, прекрати, и помоги мне с обедом.

ЛЮЧИЯ. Почему папе дозволяется говорить с самим собой, а мне нет?

НОРА. Потому что твой отец – великий писатель. Ты – обычная девушка. А теперь иди на кухню и сделай что-нибудь с бобами.

ЛЮЧИЯ. Мама, ты меня любишь?

НОРА. Что за вопрос? Конечно, люблю.

ЛЮЧИЯ. А папа меня любит?

НОРА. Он тебя обожает. Всегда обожал. Почему ты задаешь мне эти нелепые вопросы? Твой отец от тебя без ума. Это все видят.

ЛЮЧИЯ. С того места, где я сижу, этого как раз и не видно. Ты вот все время заботишься о папе, а он все свое время тратит на написание белиберды.

НОРА. Белиберды? Это не белиберда. Твой отец – гений, Лючия.

ДЖОЙС *(кружит по кабинету, тогда как БЕККЕТ прилагает невероятные усилия, дабы записать все слово в слово)*. А достопрестойный уважайнейший коротышка-поскакун, который когда-то вонзил шип своей речи, исчез (ушел без разрешения, не раскрыв на прощание пороки Оцерковленной голубки) с осклизлой фузии этой земли, этой звездной равнины южного неба, в которую превратил себя, полностью и бесследно (мать книги с веником для пыли, стирает текст, очищая листы под обложкой), для щекотания спекулятивных мнений.

ЛЮЧИЯ. И что в написанном им ты действительно понимаешь?

НОРА. Это тут причем? Никто ничего не понимает.

ЛЮЧИЯ. Тогда как они узнали, что он – гений?

НОРА. Человек в здравом уме может положить всю жизнь на написание книг, которые никому не понять, только если он гений.

ЛЮЧИЯ. Но, может, он не в здравом уме? Может, он безумен?

ДЖОЙС. Всю ночь купались в бушующей стихии, бушующе стихийные, стихийно бушующие.

НОРА. Твой отец не безумен. А теперь, приободришься и, как хорошая девочка, почисти картофель. *(Уходит на кухню)*.

ДЖОЙС. Страдая ерундой, нечего выглядеть так, будто вы только что с оргии.

Картина 5

(ЛЮЧИЯ обращается к зрителям, тогда как Беккет и ДЖОЙС продолжают работать).

ЛЮЧИЯ. Когда я наблюдаю, как они работают вместе, два худых, близоруких ирландца, чуть безумных, полностью поглощенных сохранением белиберды для вечности, во мне закипает дикая ярость. Ох, если ты какой-нибудь мужчина хоть раз посмотрел на меня, как это двое смотрят на эту проклятую «Работу в работе». И при этом, какими бы близкими они ни казались, что-то мой отец держит при себе, а обожание Беккета иной раз сходит на нет.

БЕККЕТ (*читает записанное*). Кварк? молвят лиликэп, шимусы и шустрилы. Заходите. Словеса и зануды, хрипит она.

ДЖОЙС. Захрдите?

БЕККЕТ. Да. Шимусы и шустрилы. Заходите. Словеса и зануды, хрипит она.

ДЖОЙС. Я не говорил «заходите».

БЕККЕТ. Говорили. Я услышал, что вы сказали, и записал.

ДЖОЙС. Заходите? Нора, я говорил «заходите»?

НОРА (*выходит из кухни*). Что?

ДЖОЙС. Я говорил «заходите»?

НОРА. Только что сказал. Или ты не слушаешь себя?

ДЖОЙС. Нет, вчера, когда диктовал мистеру Беккету?

НОРА. Да откуда мне знать, что ты говорил вчера? Или ты думаешь, я обращаю внимание на то, что ты говоришь?

ДЖОЙС. Вчера, ближе к вечеру? К нам кто-нибудь приходил?

НОРА. Только посыльный со старыми сапогами от Эзры Паунда. Почему этот человек всегда присылает нам сапоги? Он идиот?

ДЖОЙС. Тогда понятно. Парнишка постучал в дверь, когда я диктовал, я сказал «заходите», а мистер Беккет со свойственной ему скрупулезностью, записал это слово.

БЕККЕТ. Моя ошибка. Извините. Я его вычеркну.

ДЖОЙС. Нет, все нормально, оставьте.

БЕККЕТ. Оставить?

ДЖОЙС. Да. Оно мне здесь даже нравится.

БЕККЕТ. Но вы не... Я хочу сказать...

ДЖОЙС. В чем дело? Вас что-то тревожит, мистер Беккет?

БЕККЕТ. Нет. Хотя – да, немного.

ДЖОЙС. Включение в текст такого простого слова, как «заходите»?

БЕККЕТ. Но, если... Я хочу сказать, это не мое дело, но...

ДЖОЙС. Выкладывайте, не томите.

БЕККЕТ. Если бы посыльный не постучал в дверь в тот самый конкретный момент, тогда вы не произнесли бы «Заходите», это слово не попало бы в вашу книгу.

ДЖОЙС. Если бы дикий медведь не задержался, чтобы поспать в лесу, он бы поужинал отцом Малдуном. Мистер Беккет, вы должны доверять взаимосвязи вроде бы случайных событий. Что теперь? Вы не согласны?

БЕККЕТ. Я думаю, искусство – это не взаимосвязь случайного.

ДЖОЙС. Может – да, может – нет, но, надеюсь, нельзя исключить, что иной раз взаимосвязь случайного может быть искусством.

БЕККЕТ. Но вы могли сказать что-то другое.

ДЖОЙС. А что еще я мог сказать посыльному? Уходи? Поцелуй меня? Закуси трусиками своей сестры?

БЕККЕТ. А если ты пришел человек, продающий раков? Вы бы вставили «Не нужны мне раки» в вашу «Работу в работе»?

ДЖОЙС. Нет. Я люблю раков. Раньше я брал их у одной женщины в Сэндимаунте. Лицом она напоминала репу, но раки были отменные. Речь о том, мистер Беккет, что искусство во многом такое, каким я его творю, по крайней мере, мое искусство. Ваше может быть, каким вы пожелаете. Если будет на то ваше желание, это может быть многостраничный трактат о вашем запоре.

БЕККЕТ. Так человек выбирает искусство или искусство выбирает человека?

ДЖОЙС. Искусство выбирает человека, если он, человек, хочет быть выбранным. Но выбора по этой части у человека нет. И человек не должен считать себя выбранным навсегда, а неправильный выбор – это катастрофа, абсолютная смерть, но в итоге, если человек выбран, без последствий не обойтись, и последствия выбирают человека, тогда как человек последствий не выбирает. Господи, да что я тут наговорил? Такое ощущение, что уподобился Гертруде Стайн.

НОРА. Ты только раз встречался с Гертрудой.

БЕККЕТ. Да, на один раз больше, чем следовало.

ЛЮЧИЯ. Кто-нибудь хочет фруктовый пирог?

ДЖОЙС. А вот и приятное взгляду произведение искусства.

БЕККЕТ. Фруктовый пирог?

ДЖОЙС. Нет, моя дочь.

ЛЮЧИЯ. Я – не произведение искусства, папа.

ДЖОЙС. Ты – просто чудо.

ЛЮЧИЯ. Я бы предпочла, если ты ничего не имеешь против, не быть чудом, папа.

ДЖОЙС. Почему, любовь моя?

ЛЮЧИЯ. Потому что к чудесному нельзя прикасаться. На него можно только смотреть и восторгаться.

ДЖОЙС. А ты не хочешь, чтобы тобой восторгались?

ЛЮЧИЯ. Я бы предпочла, чтобы ко мне прикасались.

(Она смотрит на БЕККЕТА. ДЖОЙС смотрит на БЕККЕТА. БЕККЕТ смотрит на свои руки. Пауза. Громкий стук в дверь).

ДЖОЙС. Заходите.

(БЕККЕТ записывает).

Картина 6

(ЛЮЧИЯ на диване).

ЛЮЧИЯ. День за днем он приходит к нам, и в те дни, когда моего отца нет дома или он занят с кем-то еще, мне вменяется в обязанность развлекать мистера Беккета в гостиной. А поскольку очень быстро стало понятно, что мистер Беккет инициативу не проявляет, я наконец-то решила сделать первый шаг. (БЕККЕТ подходит и садится на диван, но не рядом с ЛЮЧИЕЙ. Тикают часы). Вы боитесь меня, мистер Беккет?

БЕККЕТ. Боюсь вас? С чего мне вас бояться?

ЛЮЧИЯ. Вам вроде бы никогда не хочется остаться со мной наедине. Вы предпринимаете немалые усилия для того, чтобы в комнате, кроме нас, находился кто-то еще. Это нормальное отношение к такой симпатичной молодой женщине, как я?

БЕККЕТ. Я стремился не навязывать вам свое общество.

ЛЮЧИЯ. Но мне ваше общество по душе. С вами куда лучше, чем с этим старым занудой мистером Макгриви или с весьма странным, с причудами, Эзрой Паудом. Мистер Паунд не очень-то вас жалует, знаете ли. Он называет вас высоким, унылым ирландцем. Я уверена, что он медленно сходит с ума.

БЕККЕТ. А кто нет? Кроме того, я высокий, унылый ирландец. В этом наблюдении нет ничего безумного.

ЛЮЧИЯ. Может, он еще не безумен, но проводит подготовительную работу. Я это вижу. Разумеется, он – поэт, а поэты всегда чуточку не в себе, и, если честно, некоторые говорят, что я сама довольно странная. Вы из их числа?

БЕККЕТ. Разумеется, нет.

ЛЮЧИЯ. Да, я не скрываю, что из всех живших и живущих я выше всех ставлю Чарли Чаплина и Наполеона, но не думаю, что из-за это меня нужно полагать странной. Я разработала гипотезу, согласно которой Чарли Чаплин и Наполеон на самом деле одна личность, что Наполеон никогда не умирал и вернулся Чарли Чаплином. Вы думаете, такое возможно?

БЕККЕТ. Я думаю, это маловероятно. Но возможно все.

ЛЮЧИЯ. Так вы полагаете, что я странная?

БЕККЕТ. Я полагаю, что вы – молодая женщина, умеющая думать, но еще не раскрывшая для себя, как с пользой использовать это умение.

ЛЮЧИЯ. Как тонко вы это почувствовали, мистер Беккет. Вы когда-нибудь влюблились?

БЕККЕТ. Нет.

ЛЮЧИЯ. Никогда?

БЕККЕТ. Насколько я помню.

ЛЮЧИЯ. Я влюблялась. В музыканта, которого звали Эмиль. Он был нормальным парнем, но, похоже, ему больше хотелось переспать с дочерью знаменитого мистера Джойса, а не со мной лично. У вас не было таких фантазий?

БЕККЕТ. Насчет музыкантов?

ЛЮЧИЯ. Насчет того, чтобы переспать с дочерью знаменитого мистера Джойса.

БЕККЕТ. Думаю, джентльмен не фантазирует о половых отношениях с дочерью своего друга.

ЛЮЧИЯ. Высокопарно, знаете ли. Не знала я, что вы – джентльмен, мистер Беккет. Одеваетесь вы точно не как джентльмен. Знаете, что мне нужно?

БЕККЕТ. Чтобы вас оставили одну?

ЛЮЧИЯ. Нет, меня и так слишком часто оставляют одну. Нет, мистер Беккет, мне нужна толика половых отношений.

БЕККЕТ. Простите?

ЛЮЧИЯ. Совокупление. Мне нужно совокупление. Я просто жажду совокупления. А вы?

БЕККЕТ. Нет.

ЛЮЧИЯ. Это означает, что в настоящее время вы ни с кем не совокупляетесь.

БЕККЕТ. В данную минуту – нет.

ЛЮЧИЯ. Но в недавнее время совокуплялись?

БЕККЕТ. Лючия, джентльмен...

ЛЮЧИЯ. Не нужен мне джентльмен, мистер Беккет. Мне нужен мужчина, который сдернет с меня трусики как следует выдерет.

БЕККЕТ. Понимаю.

ЛЮЧИЯ. Так вы совокуплялись с кем-то из моих знакомых?

БЕККЕТ (*смотрит на запястье левой руки*). Ой, как поздно!

ЛЮЧИЯ. У вас нет часов.

БЕККЕТ. Вы правы, но я услышал крик петуха. (*Встает*).

ЛЮЧИЯ. Петухи не кукарекают в полдень.

БЕККЕТ. Этот прокукарекал.

ЛЮЧИЯ. Я ничего не слышала.

БЕККЕТ. Может, у вас что-то с ушами. В любом случае, я должен быть в другом месте. (*Направляется к двери*).

ЛЮЧИЯ (*вскакивает и загоразживает ему дорогу*). И где вы должны быть?

БЕККЕТ. Не здесь.

ЛЮЧИЯ. Да ладно, просто скажите мне, которая из парижских околотических лъвиц раздвинула свои надушенные ноги, чтобы радушно принять унылого ирландца. Я надеюсь, в бордели вы не ходите.

БЕККЕТ. Лючия, а если ваш отец услышит, что мы тут говорим?

ЛЮЧИЯ. Он, вероятно, слышит. Стоит по другую сторону стены, приложив к уху фужер для шампанского. Обожает подслушивать чужие разговоры. И все идет в его книгу. Он, кстати, побывал во множестве борделей. Или вы не читали «Улисса»? Не думаю, что он бывает там сейчас, но определенно поглядывает на особенно симпатичных молодых поклонниц. Вы представляли меня обнаженной, так? Представляли? Почему не отвечаете?

БЕККЕТ. Я пытаюсь сообразить, как именно должен ответить джентльмен на такой вопрос. Я уверен, это коварный вопрос. Любой ответ так или иначе оскорбит даму, но я пришел к выводу, что подозрения ваши правильные. Я – не джентльмен, я – ирландец.

ЛЮЧИЯ. То есть ответ означает «да»?

БЕККЕТ. Ответ означает, что мне нужно выпить. Прошу меня извинить. (*Протискивается мимо нее и исчезает за дверью*).

ЛЮЧИЯ. Ну разве он не душка! Обожаю застенчивых мужчин. Во всяком случае, отчасти.

НОРА (*входит*). Это мистер Беккет пробежал мимо меня в коридоре?

ЛЮЧИЯ. Скорее да, чем нет.

НОРА. Никогда не видела его таким шустрым. Собственно, никогда не видела, чтобы он вообще двигался. А тут просто летел. Что ты ему сделала? Засунула селедку в штаны?

ЛЮЧИЯ. Я устала.

НОРА. Должна отметить, никогда он мне не нравился. Именно такие поздним вечером крадутся по парку, насвистывая оперные мелодии и с ножом за пазухой.

ЛЮЧИЯ. Я надеюсь, ты полюбишь его мама, потому что он – мое будущее.

НОРА. Не думаю я, что этот мужчина – чье-то будущее, Лючия. И очень сомневаюсь, что он – чье-то прошлое.

ЛЮЧИЯ. Ох, мама, он потрясающий. Второго такого в мире нет. Перспективы у него удивительные.

Картина 7

(БЕККЕТ и ДЖОЙС пьют в кафе).

ДЖОЙС. Не могу не отметить, мистер Беккет, что вы все больше нравитесь моей дочери.
А она нравится вам?

БЕККЕТ. Я в восторге от вашей дочери, мистер Джойс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.